

<http://mbiomorph67.ru/N-85-html/cont.htm>  
<http://mbiomorph67.ru/N-85-html/TITL-85.htm>  
<http://mbiomorph67.ru/>

<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-85-html/cont.htm>  
<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-85-html/TITL-85.htm>  
<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/TITL.HTM>

**Международная научно-практическая конференция,  
посвященная 80-летию Великой Победы и увековечению Памяти 7303  
воинов-красноармейцев, расстрелянных и замученных в душегубках,  
умерших от ран, болезней и тяжелейших условий содержания в  
лазаретах немецких лагерей военнопленных ДУЛАГ 240 и ДУЛАГ 126 в  
1941-1943 годах, располагавшихся на территории Медгородка и  
Областной больницы г. Смоленска и захороненных в Братской Могиле  
№ 16-19 по проезду Маршала Конева**

### **Материалы конференции**

УДК 656.11

## **О СОДЕРЖАНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЕ ДУЛАГ 126 В ГОРОДЕ СМОЛЕНСКЕ**

© 2025 г. Рассказа Д. С.

*В статье описывается содержание советских военнопленных в лагере  
ДУЛАГ 126 в городе Смоленске.*

**Ключевые слова:** советские военнопленные, ДУЛАГ 126.

Смоленск — город-герой. Здесь буквально на каждой улице есть упоминание о страшной Великой Отечественной войне, которая буквально сравняла город с землей в далеком 1943, накануне долгожданного освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Мемориальные таблички, военные памятники и мемориалы легко увидеть едва ли не на каждой смоленской улице.

В разных местах нашего города есть мемориалы, объединенные принадлежностью к лагерю советских военнопленных №126 — на проезде Маршала Конева, на перекрестке улиц Нормандия-Неман и Зои Космодемьянской, в овраге улицы Нарвской расположены мемориалы, на памятных плитах которых написано о захоронении здесь 30 тысяч, более 45

тысяч и 15 тысяч советских военнопленных соответственно. Только вот под трогательными стихами смолянина М. И. Исаковского «Пусть же проходят за годами годы; Вас не забудет страна. Свято и ревностно память народа Ваши хранит имена» на стелах всех трех мемориалов нет ни единого имени.

А монумент на братской могиле на территории областной больницы не только не имеет таблички с числом захороненных здесь или с их именами, но и не указывает даже на существование здесь лазарета военнопленных в годы оккупации города. Просто памятник «жертвам фашизма», а ведь по разным подсчетам здесь покоятся тела около 5 тысяч погибших в нечеловеческих условиях красноармейцев.

Может ли бы такое, что все эти люди, погибшие в Дулаг №126 города Смоленска, не имеют имен? И что им пришлось пережить прежде, чем оказаться на долгие годы в тесных безымянных братских могилах?

Дулаг №126 появился в Смоленске 16 сентября 1941 г., а эвакуирован на Запад накануне оставления города (воспоминания Меньшагина, стр.63). Состоял из нескольких изолированных площадок: «большой» лагерь размещался на обширной территории разрушенных военных складов РККА в районе Краснинского шоссе, «малый» - в нарвских казармах и «южный» - в общежитии мединститута (с ноября 1941 г. по март 1942 г.). Имелся в Смоленске и госпиталь для военнопленных, размещавшийся в двух корпусах на Киевском шоссе (существовал с 20 июля 1941 по 25 сентября 1943 г.).

Первым комендантом лагеря был майор Ритшер при адъютанте — старшем лейтенанте Радтке и начальнике отдела «Ic» — лейтенанте Эттке Гиссе. Вторым комендантом стал полковник Франке, третьим — попавший в плен под Волковыском бывший капитан кавалерии Красной Армии Костромин, а его заместителем стал бывший старший лейтенант войск связи РККА украинец Зелинский. На смену Костромину, в августе 1942 г. отправленному в немецкий тыл, пришел власовец Анатолий Романенко. Первым начальником русской лагерной полиции был бывший старший лейтенант РККА украинец Григоренко, вторым — бывший председатель Износковского райсовета Смоленской области Тимофей Азарович Долганов, а третьим — власовец Павел Тупицын.

Как только военнопленные вступали на территорию лагеря, прямо у ворот производился обыск, при котором изымались часы, бритвы, ножики, плащ-палатки, одеяла, вся хорошая обувь. После этого пленные без всякого учета загонялись в холодные, раскрытые бараки, совершенно не приспособленные для жилья, без всяких отопительных приборов, без деревянного пола. Бараки настолько плотно набивались военнопленными, что выйти из барака тому, кто вошел первым из-за тесноты не было никакой возможности [1]. В щели стен врывался не только холодный зимний воздух, но и снег. Земляной пол настолько был размещен, что ноги утопали в грязи до голенищ. Освещения в бараках никакого не было. Естественные надобности

военнопленные отправляли здесь же в бараке. Ночью в бараках стоял смрад, стоны больных и раненых, которых было много среди военнопленных.

Под влиянием холода люди собирались кучками, жались друг к другу, чтобы согреться [1]. При этом вести какие бы то ни было разговоры между пленными было категорически запрещено. За соблюдением этого правила строго следили полицейские команды, в каждом бараке свои. Если группы пленников начинали какие-нибудь разговоры, полицейские разгоняли их и избивали палками [1].

Военнопленные спали друг на друге в три яруса. Когда начались морозы, то спавшие внизу военнопленные замерзали в грязи, а одежда постоянно примерзала к земле. По свидетельствам А.Н. Смирнова, попавшего в лагерь №126 в июне 1942, и основанных на личных наблюдениях и на рассказах очевидцев, содержащиеся в лагере люди «... были похожи на тени, на скелеты, обтянутые кожей, до такого состояния довели их холод, систематический голод и сыпной тиф. Вши буквально кишели не только под одеждой, но и поверх ее. Вместо одежды и обуви на пленниках были изодранные лохмотья, через которые просвечивали грязные, изнуренные тела. ... каждое утро в бараках находили сотни замерзших трупов» [1]. Трупы извлекались из барачных специально изготовленными железными крючками, грузились на тележки и увозились на кладбище, расположенное в северо-западной части лагеря.

Итунин Григорий Моисеевич, попавший в лагерь №125 в октябре 1941 года, отмечает, что никакой медицинской помощи совершенно никому не оказывалось в течение октября-декабря месяцев 1941 года. Баня и санобработка отсутствовала до половины 1942 года. А.Н. Смирнов говорит о том, что медицинское обслуживание военнопленных сводилось к уборке умерших.

Что касается питания, на лагерной кухне (по показаниям Г. М. Итунина осенью 1941 года их было 15 на весь лагерь) готовилась так называемая «баланда» - состоящая из воды и преимущественно гнилого неочищенного картофеля, реже – каких-либо зерен. Затем все это сливалось в огромные ржавый ванны, стоящие под открытым небом, и разливалось в грязную посуду, имевшуюся у военнопленных на руках, в норме один черпак на человека. Хлеба с песком и какими-то примесями, с прелым запахом, выдавали по 150 граммов на человека. Военнопленные выстраивались для получения пищи в строевом порядке, а около ванн с «баландой» стояли немецкие полицейские, которые избивали палками замешкавшихся. Часто люди здесь же падали, а на них направляли толпы стоящих позади. В показаниях Г. М. Итунина фигурирует унтер-офицер Гатлих, шеф кухни, который обычно появлялся на площадке при раздаче пищи и без разбору бил военнопленных через голову резиновой плеткой с металлическим наконечником. Многим он повысек глаза. Своими зверствами Гатлих настолько терроризировал военнопленных, что многие, увидев его появление на раздаче, разбежались и

отказываться от получения даже этой скудной «баланды». Тогда он стал переодеваться в русскую форму, в которой старался затеряться в толпе и продолжал свои избиения военнопленных [1].

Воды для питья предусмотрено не было, и люди были вынуждены есть снег.

Свидетели отмечают случаи, когда зимой 1941-1942 года военнопленные, доведенные голодом до отчаяния, прибегли к людоедству, поедая у умерших мышцы бедра. Фашистскими властями за этот случай были уничтожены – повешены и расстреляны — несколько человек.

Охрана лагеря состоит из 6-8 постов наружных, расставленных друг от друга на расстояние 150-170 метров. Также имеются внутренние посты. Все они по ночам усиливаются. До февраля 1944 г. охрану несли исключительно немцы, а с февраля — ночью на каждом посту стоит один русский полицейский и второй немец. Днем же лагерь охраняют одни русские полицейские, за исключением одного поста у ворот для входа в лагерь [6].

Все бараки лагеря были изолированы друг от друга колючей проволокой, перемещения между ними были запрещены. За соблюдением дисциплины следили полицейские команды, в каждом бараке — своя, во главе со старшиной команды. Ими была установлена палочная дисциплина, когда за каждое нарушение военнопленные избивались палками, или на них шел донос вышестоящему немецкому руководству. Все было пронизано шпионажем и доносами. В задачу полицейских входило выявлять политсостав Красной Армии и евреев, а также бывших работников НКВД и милиции [1].

Полицейские по баракам были предателями из числа военнопленных, за послабления режима, перешедшие на службу немецкому командованию. В свидетельских показаниях А.Н. Смирнов приводит дословное выражение бывшего военнопленного Гришина Василия Николаевича, проживавшего ранее в городе Москве: «Из 50 тысяч военнопленных, попавших в лагерь №126, к концу первого года пребывания в лагере остались я и мой товарищ только потому, что мы были полицейскими» [1]. Они подчинялись русскому же коменданту лагеря, а тот, в свою очередь, руководителю гестапо при лагере №126 зондер-фюреру Эттке Гиссе. В лагере он был обличен большими правами, самостоятельно решал вопросы о физическом уничтожении политсостава Красной Армии, работников НКВД и евреев. Всячески поощрял свой полицейский аппарат в лагере за выявление в лагере нежелательных ему элементов.

Для этих целей в лагере был оборудован подземный каменный бункер-карцер с цементным полом и без отопления. Он был предназначен для содержания здесь идейных врагов немецкой пропаганды — политсостава Красной Армии, евреев, работников НКВД и партизан. Прежде чем попасть сюда, военнопленных избивали до потери сознания. Особенное рвение в этом вопросе, по показаниям свидетелей, проявляли начальник лагерной кузницы Рудольф Радтке и начальник полиции Тимофей Долганов. Принимал участие

в избиении военнопленных и комендант лагеря (с августа 1942 г.) Анатолий Романенко. После избиений пленных без сознания бросали в сырое подземелье, которое постоянно было заполнено до отказа людьми указанных выше категорий [1].

Избиения военнопленных охраной и руководством лагеря носили систематический характер, и, как показывают рассказы свидетелей о «развлечениях» унтер-офицера Гатлиха, зачастую никак не были связаны с реальной провинностью или нарушениями режима самими военнопленными. Но все-таки сильнее остальных в свидетельских показаниях выделяется личность начальника полиции Долганова. Его появление среди военнопленных наводило на последних ужас. У него была специальная резиновая плетка с железным концом, которую он называл «советская премия». При всяком удобном случае он любил «поразвлечься», и провинившийся военнопленный получал от Долганова до 100 плетей по голым, мягким частям тела до потери им сознания. Немецкое начальство лагеря «126 ценило Тимофея Долганова за то, что он был способен с одного удара убить любого пленного, а также был нетерпим к политсоставу Красной Армии и евреям.

В западной части лагеря была сооружена виселица, на которой проводились демонстративные казни военнопленных за попытки к бегству [1]. В северо-западной части лагеря так же находилось кладбище.

По показаниям А.Н. Смирнова, летом 1942 года были проведены некоторые улучшения быта военнопленных, в частности, на короткое время была повышена норма пищи на день, заболевших стали чаще отправлять в лазарет, расположенный на Киевском шоссе. Все это делалось перед «вербовкой» военнопленных в «русскую освободительную армию» и носило кратковременный характер.

Начиная с конца декабря 1942 г. военнопленных нерусской национальности немцы начали отделять, поселили их в отдельные бараки, увеличили порцию хлеба, не посылали на работу, а затем отдельными эшелонами направляли их в немецкий тыл [6].

Режим дня в лагере был следующий: подъем в 5 часов, тут же построение на завтрак. С 7 до 8 часов утра распределение по рабочим объектам. Ежедневно военнопленные разбивались на рабочие команды и отправлялись на выполнение различных задач в лагере и за его пределами. Так, в воспоминаниях Б.Г. Меньшагина указано, в том числе, что пленных использовали для очистки снега и на дорожных работах [2], а также строят бомбоубежища, разбирают разрушенные здания и работают на товарной ж.д. станции. В показаниях военнослужащих-врачей В.Н. Николаева, Н.Н. Лепилкина и В.А. Заволдаева сказано, что военнопленных «малого» лагеря на работу не посылали. Рабочее время длилось с 8 до 17 часов вечера, с обеденным перерывом на один час.

Лагерные бараки были переполнены. Судить о том, насколько велико было количество военнопленных в лагере №126 можно из того, что 70% пяти советских армий, окруженных под Вязьмой, было согнано сюда осенью 1941 г.

Леонид Георгиевич Руклевский в своих свидетельских показаниях (фото 50 ГАРФ) из рассказов военнопленных красноармейцев, находившихся в лагере в период 1941 и начала 1942 года, называет цифру более 200 тысяч человек, погибших в лагере от истощения, расстрелов и замерзания от морозов.

Г. М. Итунин в своих показаниях отмечает, что в период осени и зимы 1941 года в лагере в следствие его перегрузки, плохого питания, массовых избиений и неопишуемых антисанитарных условий ежедневно погибало до 300 человек [1]. Его показания схожи и с теми цифрами, что называет А.Н. Смирнов: «смертность в лагере доходила до 300-350 человек в день. Так, по скромным подсчетам за шесть холодных месяцев 1941-1942 г.г. погибло свыше 50 тысяч человек и около 16 тысяч в госпитале для русских военнопленных» [1].

Свидетели отмечают, что в период зимы 1941-1942 гг. в лагере свирепствовала эпидемия тифа. Госпиталь для военнопленных мало помогал в борьбе с эпидемией, номинально рассчитанный на 1000 человек больных, а по факту принимавший до четырех с половиной тысяч. Помещение госпиталя в ряде мест не имело стекла, почти не отапливалось. Больные в госпитале получали утром отварную рожь, в обед картофельные очистки или гнилой картофель, ужина не получали. От этой пищи и при том голодной норме имела место массовая смертность от истощения.

От сыпного тифа, замерзания и главным образом от истощения в госпитале ежедневно умирало 150-200 человек, а по подсчетам врачей госпиталя за все время с 1941 г. по 1943 г. в этом госпитале умерло по самым скромным подсчетам не менее 25 тысяч человек военнопленных. Процент смертности от ран, полученных в боях, был незначительный [1].

В показаниях врачей лазарета лагеря военнопленных №126 указано, что до марта 1943 г. в лазарете не велось учета умерших больных и, только в марте-апреле месяцах, эти записи пытались восстановить, но они далеко не отвечают действительности, так как многих записей не сохранилось (фото 29 ГАРФ). Однако это не так. Велись истории болезни, составлялись акты о смерти. Часть документации лазарета была обнаружена при его освобождении. Так, осенью 1943 г. в ходе работы Чрезвычайной Государственной Комиссии при вскрытии захоронений были обнаружены 16 удостоверяющих личность документов погибших — три паспорта, 12 воинских медальонов и одна красноармейская книжка [3]. Однако на данный момент ни на одном мемориале лагеря №126 нет сведений об этих идентифицированных личностях. Кроме того, в акте ЧГК указан перечень обнаруженных документов, относящихся к госпиталю лагеря №126 в г.

Смоленске, в числе которых тетради умерших по 1-му этажу 2-го корпуса госпиталя с записями с 17 августа 1941 по 16 марта 1943 г. [1]. Самих документов в деле нет, но они определенно существовали еще в 1943 г. и уже тогда позволяли уточнить ФИО и другие данные на существенное число советских воинов, здесь погибших.

Кроме того, существует список погибших в некоем лазарете военнопленных под официальным названием «Totenliste Kgf.-Lazarett» («Список умерших лазарета военнопленных»). Изначально список был обнаружен на территории минского Шталага 352, и вполне логично отнесен к нему. В 2021 году к.и.н. Е.Н.Мох и врач А.А. Швед однозначно доказали, что Список не имеет к Шталагу 352 никакого отношения [5]. А в 2022 году доказан факт захоронения подавляющего большинства погибших военнопленных из «Totenliste Kgf.-Lazarett» вблизи Братского кладбища в братской могиле по проезду Маршала Конева в г. Смоленске [4]. А это – 7303 имени воинов-красноармейцев, которые встали на защиту Родины и были вынуждены провести остатки своих дней в нечеловеческих, антисанитарных условиях лагеря №126 в городе Смоленске, направленных на моральное и физическое устранение русского человека, советского солдата. Это солдаты, чьи имена более чем на 80 лет отсутствуют в человеческой памяти. И меньшее, что могут сделать для этих людей, безымянно лежащих в братских могилах, грядущие поколения – не позволить забыть о той бесчеловечной жестокости, через которую они прошли, и о той жертве, которую принесли.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Справка оперативного отдела УНКВД по Смоленской области «О массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также гражданского населения в Смоленском концлагере № 126» (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп.44. Д.1090. Л. 1-24.)
2. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы / Сост. И подг. Текста П.М. Полян. – М.: СПб.: Нестор-История, 2019. -824 с. — 447 с.
3. Акт судебно-медицинской экспертизы по обследованию мест массовых захоронений и эксгумации трупов советских граждан, казненных немецко-фашистскими оккупантами, в г.Смоленске и его окрестностях. Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д.25. Л. 154-159
4. Из небытия /С.Амелин, А.Швед // Край Смоленский. 2022. №9. С-26-38
5. Мох Е.Н. Единый комплекс документов по медицине шталага №352, Масюковщина /Е.Н. Мох, А.А. Швед // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. 2021. №9. С. 88-96
6. Донесение о задержании бывших военнослужащих-врачей Николаева В.Н., Лепилкина Н.Н., Заволдаева В.А., бежавших их немецкого плена. 78.1.132.76-79 в архиве Управления фонда №4 "Фонд коллекций" в деле №143

[Электронный ресурс] URL: <https://archive-n.admin-smolensk.ru/> (дата обращения: 15.02.2025)

## **ABOUT THE DETENTION OF SOVIET PRISONERS OF WAR IN THE DULAG 126 CAMP IN THE CITY OF SMOLENSK**

**Rasskaza D. S.**

The article describes the detention of Soviet prisoners of war in the DULAG 126 camp in the city of Smolensk.

**Key words:** Soviet prisoners of war, GULAG 126.

Д. С. Рассказа – старший преподаватель кафедры ЭиМТ, филиала ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ» в г. Смоленске.

Кафедра электроники и микросхемотехники филиала ФГБОУ ВО «НИУ  
«МЭИ» в г. Смоленске

Поступила в редакцию 18.02.2025.